

А. Н. РАДИЩЕВ — „ТОРЖОК“

Я. Л. Барсков

В «Путешествии из Петербурга в Москву» герой-путешественник в Торжке встречен был человеком, желавшим завести в этом городе свободное книгопечатание и отправлявшимся в Петербург «на скитание прошения». На возражение путешественника, что в России «свобода на то дана всем», собеседник его ответил, что «хотел свободы в цензуре».

Указ 15 января 1783 г. (П. С. З., № 15634) не отличал «типографий для печатания книг» от прочих «фабрик и рукоделий» и разрешал каждому «по своей собственной воле заводить типографии», не требуя ни от кого дозволения; стало быть, всякий свободно мог иметь орудия печатания, но «то, что печатать можно, — говорил автору его собеседник, — состоит под опекою; цензура сделана нянькою рассудка, остроумия, соображения, всего великого и изящного». . . «Если всегда будут няньки и опекуны, то ребенок долго будет ходить на помочах и совершенный на возрасте будет каляка. Недоросль всегда будет Митрофанушка, без дядьки не ступит, без опекуна не может править своим наследием. Таковы бывают везде следствия обыкновенной цензуры и, чем она строже, тем следствия ее пагубнее» (стр. 289—290, изд. 1790 г.).

Изложив эти «размышления», Радищев цитирует Гердера (1744—1803) «О влиянии правительства на науки и наук на правительство».¹ Это рассуждение было представлено Гердером в 1780 г. на тему, предложенную в 1778 г. Берлинской Академиею наук: «Каково было влияние правительства на науки у народов, среди которых они процвели, и каково было влияние наук на правительство?»²

Привожу текст Гердера и, для сравнения, превосходный перевод Радищева:

«Das leichteste Mittel ist die Nicht-Hinderniss, die Erlaubniss, eine gute Sache zu treiben, die Gedankenfreiheit. Alle Inquisition ist dem Reich der Wissenschaften schädlich: sie macht die Luft erstickend und

«Наилучший способ поощрять доброе есть непрепятствие, дозволение, свобода в помышлениях. Розыск вреден в царстве науки: он сгущает воздух и запирает дыхание. Книга, проходящая десять ценсур прежде, нежели достигнет света, не есть

¹ Herders Sämmtliche Werke. B. 1893, B. IX, S. 307—408.

² «Quelle a été l'influence du gouvernement sur les lettres chez les nations où elles ont fleuri? et quelle a été l'influence des lettres sur le gouvernement?»

benimmt den Athem. Ein Buch, das erst durch zehn Censoren gelangen muss, eh es das Licht der Welt sieht, ist kein Buch mehr, sondern ein Machwerk, der heiligen Inquisition, sehr oft ein verstümmelter, ein mit Ruthen gezeisselter, im Munde geknebelter Unglückliche; immer aber in Sklave. . . Im Gebiet der Wahrheit, im Reiche der Gedanken und Geister soll und kann keine irdische Macht entscheiden; die Regierung kann's nicht, geschweige ihr bekutteter Censor. Im Reich der Wahrheit ist er nicht Richter, sondern Parthei, wie der Autor. . . Alle Besserung kann nur durch Erleuchtung werden, ohne Kopf und Hirn regt sich weder Hand noch Fuss» (S. 357—358).

«Je gegründet er ein Staat in seinen Principien, je geordneter und heller und stärker er in sich selbst ist, desto weniger läuft er Gefahr, vom Winde jeder Meinung, von jedem Pasquill eines aufgebrachtten Schriftstellers bewegt und erschüttert zu werden; um so mehr wird derselbe auch Freiheit der Gedanken und (mit einiger Einschränkung nach seiner Situation und Lage) Freiheit der Schriften gönnen, bei der die Wahrheit am Ende doch gewinnt. Nur Tyrannen sind argwöhnisch, nur geheime Bösewichter furchtsam. Ein offener Mensch der Recht thut und auf seinen Grundsätzen fest ist, lässt alles über sich sagen. Er wandelt am Tage und nutzt selbst die ärgsten Lügen seiner Feinde. . . Alle Monopolien der Gedanken sind schädlich. . . Der Regent eines Staats muss beinahe ohne Lieblingsmeinungen sein, damit er die Meinungen aller in seinem Staate umfassen, dulden, läutern und zum allgemeinen Besten lenken könne: daher sind grosse Regenten auch so selten». (S. 357—361).

книга, но поделка святой инквизиции: часто изуродованной, сеченной батожем, с кляпом во рту узник, а раб всегда. . . В областях истины, в царстве мысли и духа не может никакая земная власть давать решенный и не должна; не может того правительство, менее еще его цензор, в клобуке ли он, или с темляком. В царстве истины он не судия, но ответчик. Исправление может только совершиться просвещением; без главы и мозга не шевельнется ни рука, ни нога».

«Чем государство основательнее в своих правилах, чем стройнее, светлее и тверже оно само в себе, тем менее может оно позыбнуться и отрешиться от дуновения каждого мнения, от каждой насмешки язренного писателя: тем более благоволи оно в свободе мыслей и в свободе писаний, и от нее под конец прибыль, конечно, будет истине. Губители бывают подозрительны; тайные злодеи робки. Явный муж говорит правду и твердый в правилах своих допустит о себе глагол всякий. Хождает он во дни и на пользу себе строит клевету своих злодеев. Откушы в помышлениях вредны. . . Правитель государства да будет беспристрастен во мнениях, дабы мог он объять мнения всех и оные в государстве своем дозволить, просвещать и наклонять к общему добру; от того то истинно великие государи столь редки». . . (291—292).

I

Здесь в основном списке «Путешествия», дозволенном к печати с.-петербургским обер-полицмейстером Н. И. Рылевым, 22 июля 1789 г. (экземпляр за его подписью; хранится в Москве, в ГАФКЭ), первоначально за словом «редки» следовало: «Мудрый правитель, боюсь назвать великим, ибо, прилагая таковые наименования государю живу, почтен буду или рабом, или льстецом, или ханжею.

или корыстолюбцем; хвалитель будет скаредный подлец, а хвалимый в опасности будет замараться в хвале мерзав». Кончалась эта фраза на утраченном листе основного списка; однако она имеется сполна в списках, принадлежавших М. Н. Апуцину и М. Н. Лонгинову (второй из них хранится в ИЛИ Академии Наук СССР): «[мерзав]ца и пред светом всегда потеряют». Далее с подлежащим «правитель» согласованы (в списке ИЛИ) сказуемые «позволил. . . поручил»; для печати же эти строки (вслед за словом «редки» в основном списке) исправлены: «Правительство, познав полезность книгопечатания, оное позволило всем; но паче еще познав, что запрещение в мыслях утщетит благое намерение вольности книгопечатания, поручило цензуру или присмотр за изданиями управе благочиния» (192—293).

В письме к графу А. Р. Воронцову 4 июня 1789 г. (хранится в Институте истории АН СССР) по поводу книги об императоре Иосифе II (умер 20 II 1790) Радищев замечает: «Может быть то, что в книге сей писано, и не лживо, но хорошо хвалить царей по смерти, ибо хвала тогда будет беспристрастна». (Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, изд. Academia, 1935, стр. 516. Далее — «Материалы»).

Написана ли фраза о «правителе» раньше в главе «Торжок», а потом в письме к Воронцову, или наоборот, нельзя выяснить, но заслуживает внимания замена «правителя» в первоначальном тексте «правительством» в печатном; очевидно, Радищев, осуждая передачу цензуры в руки полиции, предпочел обойтись без прямого указания на императрицу.

«Долг ее [управы благочиния], — пишет он далее, — может быть только тот, чтобы воспрепятствовать продаже язвительных сочинений. Но и сия цензура есть лишняя. Один несмысленной урядник благочиния может величайший в просвещении сделать вред и на многие лета остановку в шествии разума — запретит полезное изобретение, новую мысль и всех лишит великого». Далее он приводит примеры ошибок (293—294) и заключает: «Пускай печатают всё, кому что на ум ни взойдет. Кто себя в печати найдет обиженным, тому да дастся суд по форме. Я говорю не смехом. Слова не всегда суть деяния, размышления же не преступления. Се правила Наказа о новом уложении» (294). Таких правил в Наказе Комиссии 1767 г. нет. Радищев передает здесь вкратце лишь общий смысл 480—484 статей «Наказа», взятых императрицей дословно из «Духа законов» (*L'esprit des lois*) XII главы Монтескье (Наказ императрицы Екатерины II, изд. Академии Наук, СПб., 1907, стр. 130—132). Однако и тут Радищев возражает Екатерине: «Какой вред может быть, если книги в печати будут без клейма полицейского? Не токмо не может быть вреда, но польза: польза от первого до последнего, от малого до великого, от царя до последнего гражданина» (295).

В письме к С. И. Шешковскому 15 июля 1790 г. Радищев указывает, что «не прежде, как в 1785 году, начал паки упражняться в чтении и недочтенного Рейналя окончал. . . [а] в следующие годы»

читая Гердера, начал писать о цензуре» (Дело о Радищеве и книгопродавце Зотове в ГАФКЭ, л. 161 и оборот). В своей «повинной» 1 июля 1790 г. он пишет: «В статье Т о р ж о к только прибавлено [после получения списка от Рылеева] окончание о цензуре и древние о ней учреждения» (Д е л о, л. 142). В особом дополнении к показаниям на допросе он замечает: «В повествовании о цензуре, знаю, что прибавлено о новейших о ней положениях, но точно что — не упомяну» (Д е л о, л. 158).

Позднейшая вставка в статью «Торжок» под заглавием «Краткое повествование о происхождении цензуры» (стр. 306—340) переписана тем же почерком, как и вставка в главу «Подберезье»; у нее была своя особая пагинация (начиная с первого листа), измененная с целью пригнать ее к основному тексту; впрочем листы 2, 7, 9 и 13, а также конец вставки (после 20 листа) и начало следующей за «Торжком» статьи «Медное» утрачены; попытка изменения пагинации не удалась; поэтому одни и те же цифры (178—188) при нумерации листов всего списка выставлены в нем дважды.

В показания на допросе 8—10 июля 1790 г. записано: «По переписке набело книги [Путешествия] посылал он [Радищев] для цензуры опую с надсмотрщиком [из таможни, где автор был директором] Мейспером, который спустя довольно времени за цензурою обер-полицмейстера Никиты Ив[ановича] Рылеева [22 июля 1789 г.] и принес к нему [Радищеву] на дом» (Д е л о, л. 27). Ясно, что первая часть главы «Торжок» была готова до начала французской революции 1789 г.: книгу свою от цензора получил автор «спустя довольно время».

Противник цензуры в беседе с «автором» подробно разобрал аргументацию ее защитников. «Обыкновенные их правила, — говорит он, — почеркивать, марать, не дозволять, драть, жечь все то, что противно естественной религии и откровению, все то, что противно правлению, всякая личность, противное благоправию, устройству и тишине общей» (295). Спрашивается: может ли «урядник благочиния» быть истцом за бога? Раскольники причиняли в России больше вреда, чем атеисты. . . «Безумец скажет в мечтании своем: „несть бога“, но что из этого? Эхо, звук; ударит в воздух, позыбнет его и исчезнет». Действия же расколов «иногда вредны» и «прespoведаются они примером». «От печатной книги раскольник не бросится в огонь, но от ухищренного примера». «Запрещая вольное книгопечатание, робкие правительства не богохуления боятся, но боятся сами иметь порицателей. . . Буде власть шествует стезею, ей назначенной, то не возмутится от пустого звука клеветы, яко же господь сил не тревожится хулением». . . Лишь язвительная личность есть обида, но и в этом случае не дело правительства вступаться за оскорбленного, хотя бы это был судия; «не судия да будет в том истец, но оскорбленное лицо; судия же пред светом и пред поставившем его судиею да оправдится едиными делами». Так, участник бывшей в Америке «перемены» [революция 1776—1783 гг.], Дикквигсон (1732—1808), ставший [в 1782 г.] губернатором в Пен-

силванни, а затем президентом высшего исполнительного совета, «не возгнушался сражаться с наступавшими на него, опроверг в печати доводы своих противников и их устыдил. . . Се пример для последования, как мстить должно, когда кто кого обвиняет пред светом, печатным сочинением». . . В России нет еще в печати «сочинений любовстрастных, наполненных похотливыми начертаниями, дышащих развратом. . . , а на каждой улице в обеих столицах видим раскрашенных любовниц; действие более развратит, нежели слово, и пример — паче всего. Итак, цензура да останется на торговых девок, до произведений же развратного хотя разума ей дела нет». «Заключу, — говорит Радищев, — сим: цензура печатаемого принадлежит обществу, оно дает сочинителю венец или употребит листы на обертки. . . Оставь глупое на волю суждения общего, оно тысящу найдет ценсоров. Наистрожайшая полиция не возможет так запретить дряни мыслей, как негодующая на нее публика» (295—304).

Признав бесполезность цензуры и даже ее вред в царстве науки, Радищев счел излишним доказывать «беспредельную пользу вольности печатания». «Великое, — говорит он, — будет [тогда] велико; истина не затмится. Не дерзнут правители народов удалиться от стези правды. . . Вострепещет судия, подписывая несправедливый приговор. Убоятся все злые строгого взора истины. Спокойствие будет действительное, ибо заквасу в нем не будет». «Ныне поверхность только гладка, но ил, на дне лежащий, мутится и тмит прозрачность вод» (304—305).

Хотя Радищев ссылается на Гердера, но берет у него мало и во многом с ним расходится. «Рассуждение» Гердера занимает 98 страниц, а все отрывки, взятые Радищевым — одну. Радищев заимствовал у Гердера лишь то, что клонится в пользу просвещения и служит в защиту свободы слова. Гердер требует, чтобы правительство наблюдало за нравами, не допускало разнузданность идей, воспрещало некоторые науки, имело надзор за молодыми людьми, которые готовятся на государственную службу или же состоят на ней, запрещало богохульные и безнравственные сочинения и прибегало к содействию благонамеренных писателей — все это не вошло в книгу Радищева. Так, например, Гердер пишет: «Я далек от того, чтобы советовать безудержную вольность или равнодушие по отношению к мыслям в особенности там, где она открыто останавливает колеса государства, делает его принципы не действительными и таким образом прямо разрушает его цели и благополучие. . . Я таким образом думаю, что государству должно быть предоставлено на волю и даже ему необходимо прямо исключать известные науки так же, как увеселения и занятия, если оно рискует не быть в состоянии согласовать их со своим принципом деятельности. . . Через устранение зла начала свою благотворную деятельность все древние законодатели; Моисей запретил идолопоклонство своему народу, а вместе с тем должен был запретить ваяние и другие изящные искусства, связанные с культом богов.

Как строг был Лигург. Только с устранением роскоши как в науках, так и в нравах, удалось ему довести свой народ до средоточия его силы, спартанской доблести и любви к отечеству и затем удерживать на этой высоте. . . Даже для снисходительного Солона не все было безразлично. . . Я не решаюсь утверждать, что Катон вовсе не был прав, когда он так резко высказывался против принятия всякого праздного греческого болтуна. Каждое государство имеет свои цели, свой принцип, свои границы; чем более правительственное будет иметь их в виду во всем, а также в законах о литературе и искусствах, тем более будет процветать государство и, с устранением чуждой сорной травы, жить из своих собственных корней».¹

II

Вторая часть главы «Торжок» дополняет и подтверждает первую. Радищев пишет во вступлении к ней: «Если мы скажем и утвердим ясными доводами, что цензура с инквизициею принадлежит к одному корню, что учредители инквизиции изобрели цензуру, то есть, рассмотрение приказное книг до издания их в свет, то мы хотя ничего не скажем нового, но из мрака прошедших времен извлечем в добавок многим другим ясное доказательство, что священнослужители были всегда изобретатели оков, которыми отягачался в разные времена разум человеческий, что они подстригали ему крылья, да не обратит полет свой к величию и свободе» (306).

Для этой части Радищев использовал сборник статей Иог. Бекмана «Статья по истории открытий», т. I, ч. 1, X, Книжная цензура, Древнейшее постановление о книжной цензуре, Второе исправл. изд. Л., 1783, со ссылками на труды Шюттера и Мерсье,

¹ «Ich bin ferne davon, eine zügellose Freiheit oder Gleichgültigkeit der Gedanken zu empfehlen, insonderheit, wo sie offenbar die Räder des Staats inne hält, sein Principium unwürksam macht und also gerade seine Zwecke und Glückseligkeit störet. . . Ich glaube also, es sei dem Staat freigelassen, ja nothwändig, gewisse Wissenschaften, so wie Ergötzlichkeiten und Beschäftigungen gerade auszuschliessen, wenn er sie mit seinem Principium der Würksamkeit nicht binden zu können, sich getrauet. . . Durch Ausschliessung der Übel fingen alle alte Gesetzgeber an, auf das Gute zu wirken. Moses verbot seinem Volk die Abgötterei, die Bildnerei musste er also mit untersagen und alle schöne Künste der Götterfeste. Wie strenge war Lykurg! nur durch Ausschliessung der Üppigkeit wie in Wissenschaften, so in Sitten, gelang es ihm sein Volk auf den Mittelpunkt seiner Stärke, spartanische Tugend und Vaterlandsliebe zu drängen und darauf festzuhalten. . . Auch dem mildern Solon war nicht alles gleichgültig. . . Ich entscheide es nicht ob Cato ganz unrecht gehalt habe, da er der Aufnahme jedes müssigen griechischen Schwätzers so scharf entgegen sprach. . . Jeder Staat hat seine Zwecke, sein Principium, seine Grenzen: je mehr die Regierung diese in Allem; also auch in den Gesetzen über Literatur und Künste, im Auge hat, desto mehr wird der Staat gedeihen und mit Hinwegräumung des fremden Unkrauts gleichsam auf seiner Wurzel leben» (S. 358—359).

в том же сборнике, т. II, ч. 2, VIII, Книжная цензура. Л., 1785.¹

Вторую из этих статей Радищев переработал для своего «Повествования» раньше первой. Бекман пишет: «Уже за много столетий до изобретения книгопечатания запрещались книги правительством и предавались сожжению. Подобное часто случалось уже в древней Греции и в древнем Риме. В Афинах запрещены были писания Протагора и все списки их, собранные через глашатаев, были сожжены. В Риме по приказанию сената сожжены были писания Нумы, найденные в его могиле, потому что они были против введенной им религии. Когда во время общественных бедствий оробевший народ впадал в суеверие больше, чем казалось это благом правительству, отдавалось приказание, что все суеверные и гадательные книги должны быть доставлены претору. Это приказание часто повторялось, и император Август велел однажды сжечь более двух тысяч таких книг. При том же императоре осуждены были на сожжение непристойные писания Тита Лабиена, что, говорят, было первым примером такого рода. Как нечто страшное при том рассказывают, что немного лет спустя равным образом публично сожжены были писания тех, кто вызвали это мероприятие. Всю историю эту рассказывает Сенека ритор, а именно в предисловии к пятой или, как другие считают, к десятой книге *Контроверсий*».²

Как использовал Радищев эти строки? «Проходя протекшие времена и столетия, — говорит он, — мы везде обретаем терзающие черты власти, везде зрим силу, возникающую на истину,

¹ J o h. B e c k m a n n. Beiträge zur Geschichte der Erfindungen, I B., I St., X, S. 95—108 «Büchercensur. Aelteste Verordnung über die Büchercensur», zweite etwas verbesserte Ausgabe, L. 1783 (со ссылками на труды P ü t t e r «Der Büchernachdruck nach achten Grundsätzen des Rechts geprüft», 1774, и M e r c i e r. Supplement à l'histoire de l'imprimerie de Prosper Marchand, 1775) и в том же сборнике Bd. II, II St., VIII, S. 246—253, Büchercensur, L., 1785.

² «Schon viele Jahrhunderte vor Erfindung der Buchdruckerey sind Bücher von der Obrigkeit verbothen, auch zum Feuer verdammet worden. Schon im alten Griechenland und im alten Rom geschah solches oft. In Athen wurden die Schriften des Protagoræs verbothen und alle Abschriften desselben, die man durch die Ausrufer zusammen gebracht hatte, verbrant. In Rom wurden die Schriften des Numa, die in seinem Grabe gefunden waren, weil sie der von ihm eingeführten Religion zuwider waren, nach dem Befehle des Rathes verbrant. Als zur Zeit öffentlicher Unglücksfälle das bange Volk in Rom auf mehr Aberglauben als der Obrigkeit gut schien, verfiel, ward der Befehl gegeben, dass alle abergläubige und Wahrsager-bücher dem Prätor eingeliefert werden solten. Dieser Befehl ist oft wiederholet worden und Kayser Augustus liess solcher Bücher auf einmahl mehr als zweytausend verbrennen. Unter eben diesem Kayser wurden die anzüglichen Schriften des Tit. Labienus zum Feuer verdammet, welches das erste Beispiel dieser Art gewesen seyn soll. Als etwas sonderbares wird dabey erzählt, dass wenige Jahre nachher auch die Schriften derjenigen, welcher jenen Befehl ausgewürkt hatte, ebenfals öffentlich verbrant worden sind». Сюда относится значительно сокращенное Радищевым примечание: «Die ganze Geschichte erzählt Seneca der Redner und zwar in der Vorrede zum fünften, oder wie andere zählen, zum zehnten Buche der *Controversiarum*» и т. д.

иногда суеверие, ополчающееся на суеверие. Народ афинский, священнослужителями возбужденный, писания Протагоровы запретил, велел все письма оных собрать и сжечь. Не он ли в безумии своем предал смерти, на неизгладимое во веки себе поношение, вочеловеченную истину, Сократа? В Риме находим мы больше примеров такового свирепствования. Тит Ливий повествует, что найденные во гробе Нумы писания были сожжены повелением сената. В разные времена случалось, что книги гадательные велено было относить к претору. Светоний повествует, что кесарь Август таких книг, велел сжечь до двух тысяч. Еще пример несобразности человеческого разума. Неужели, запрещая суеверные писания, властители сии думали, что суеверие истребится? Каждому в особенности своей воспрещали прибегнуть к гадаю, совершаемому нередко на обуздание токмо мгновенное грызущей скорби, оставляя явные и государственные гадания авгуров и аруспициев. Но если бы во дни просвещения возмнили книги, учащие гадаю или суеверие проповедающе, запрещать или жечь, не смешно ли бы было, чтобы истина приняла жезл гонения на суеверие? Чтоб истина искала на поражение заблуждения опоры власти и меча, когда вид ее один есть најесточайший бич на заблуждение? Но кесарь Август не на гадания одни простер свои гонения, он велел сжечь книги Тита Лабиеция. „Злодей, говорит Сенека ритор, изобрели для него сие нового рода наказание. Неслыханное дело и необычайное — казнь извлекать из учения. Но по щастию государства сие разумное свирепствование изобретено после Цицерона. Что быть бы могло, если бы троенаачальники [триумвиры Август, Антоний, Лепид] за благо положили осудить разум Цицерона? Но мучитель скоро отомстил за Лабиеция тому, кто исходатайствовал сожжение его сочинений. При жизни своей видел он, что и его сочинения преданы были огню“ (306—309).

Бекман указывает под строкой, а иногда и цитирует свои источники: «Диоген Лаэртийский, Цицерон (О природе богов), Лактанций (О гневе), Евсевий, Минуций Феликс, Т. Ливий, Плиний, Плутарх, Валерий Максим», Радицев все эти ссылки пропустил, но известие о Лабиеции он удержал, опять-таки переделав. Бекман пишет: «Всю историю сполна рассказывает Сенека ритор. . . Против него [Лабиеция] впервые придумали новое наказание, ибо чрез врагов его удалось достигнуть сожжения всех его книг. Дело новое и выходящее из ряда вон — подвергнута казни наука. К счастью, клянусь, что эта замысловатая жестокость изобретена после Цицерона. Ведь что произошло бы, если бы триумвирам угодно было наложить запрет на ум Цицерона. Того, кто взрек это суждение против писаний Лабиеция, впоследствии собственные писания сожжены были при его жизни, не по дурному примеру, а по его собственному».¹ Сюда Радицев дает примечание под строкой, извле-

¹ «Die ganze Geschichte erzählt Seneca der Redner» и дает цитату: «In hunc [Labienum] primum excogitata est noua poena, effectum est enim per

кая его из дальнейшего текста: «Сочинения Ария Монтана [1527—1598], издавшего в Нидерландах первый реестр запрещенным книгам, вложены были в тот же реестр», а затем пишет: «Не злому какому примеру тут следовано, говорит Сенека, его собственному». Сюда он делает новое примечание, также извлекая его из текста Бекмана: «Кассий Север, друг Либиения, видя писания его в огне, сказал: „теперь меня сжечь надлежит, ибо я их наизусть знаю“». Сие подало случай при Августе к законоположению о поносительных сочинениях, которое, по природному человеку обезьянству, принято в Англии и в других государствах». За цитатой из Сенеки [после «собственному»] в «Путешествии» следует: «Даждь небо, чтобы зло всегда обращалось на изобретателя его и чтобы воздвигший гонение на мысль, зрел всегда свои осмеянными, в поругании и на истребление осужденными! Если мщение когда-либо извинительно быть может, то разве сие» (309). В статье Бекмана приведенным строкам соответствует: «Так писания Вен. Ария Монтана, который помог составить в Нидерландах первый перечень запрещенных книг, включены потом в подобный перечень. Кассий Север, говоривший в насмешку, что следовало сжечь его живым, потому что он знал сочинение своего друга Лабисна наизусть, дал повод к закону Августа против поносительных сочинений. Когда Кремуций Корд назвал в своей истории К. Кассия последним римлянином, сенат, чтобы польстить императору Тиверию, постановил сжечь его книгу, хотя остались многие списки. Антиох Эпифан постановил сжечь иудейские книги», и т. д.¹

Радищев пишет: «Во времена народного правления в Риме гонение такого рода обращалось только на суверие, по при императорах простерлось оно на все твердые мысли. Кремуций Корд в Истории своей назвал Кассия, дерзнувшего осмелеть мучительство Августово на Лабиевны сочинения, последним римлянином. Римский сенат, ползая перед Тиверием, велел в угождение ему Кремуциеву книгу сжечь. Но многие с оной остались списки. „Тем паче, говорит Тацит, смеяться можно над попечением тех, кои мечтают, что всемогуществом своим могут истребить воспоминание следующего поколения. Хотя власть бешенствует на казнь рассудка, но свиреп-

inimicos, ut omnes ejus libri incenderentur. Res noua et insueta-supplicia de studiis sume. Bono Hercule publico, ista in poenas ingeniosa crudelitas post Ciceronem inuenta est. Quid enim futurum fuit si ingenium Ciceronis triumviris libuisset proscribere? Ejus qui hanc in scripta Labieni sententiam dixerat, postea uiuentis adhuc scripta, combusta sunt; jam non malo exemplo quia uou.

¹ «So wurden Schriften des Ben. Arias Montanus der das erste Verzeichniss verbothener Bücher in den Niederlanden machen half, auch hernach in ein solches Verzeichniss gesetzt. Der Cassius Severus der spöttisch sagte: man müsse ihn lebendig verbrennen, weil er die Schriften seines Freundes, des Labienus, auswendig wüsste, veranlassete das Gesetz des Augustus wieder Schmärschriften». Далее вместо замечания о природном человеку обезьянстве и мольбы о мщении у Бекмана следует: «Als Cremutius Cordus in seiner Geschichte den C. Cassius den letzten Römer genant (sic) hatte, liess der Rath um dem Kayser Tiberius zu schmeicheln, das Buch verbrennen, wiewohl viele Abschriften überblieben. Antiochus Epiphanus liess die Bücher der Juden verbrennen» и т. д.

ствованием своим себе устроила стыд и посрамление, им — славу". Не избавились сожжения книги иудейские при Антиохе Епифане. . .» (310).

Из приведенных текстов видно, как Радицев изменял, дополнял или сокращая, статью Бекмана, чтобы усилить впечатление от гонений, которым подвергались писатели со стороны духовной и светской власти еще во времена язычества. «Еще больше злобы, — говорит он, — проявили христианские священнослужители против писателей, которые были им противны и не в пользу. Недавно порицали строгость сию в язычниках, недавно почитали ее знаком недоверения к тому, что защищали, но скоро сами ополчились всемогуществом. . .» (312). Изложив гонения греческих императоров и вселенских соборов «на всех тех, кто деяния и учения Иисусовы» понимал с ними различно, Радицев спрашивает: «Кто может за то поручиться, что Несторий, Арий, Евтихий и другие еретики быть бы могли предшественниками Лутера и, если бы вселенские соборы не были созданы, что бы Декарт родиться мог десять столетий прежде? Какой шаг вспять сделан ко тьме и невежеству!» (313). Ни этого вопроса, ни восклицания нет у Бекмана. Слив конец второй его статьи с началом первой, Радицев пишет: «Ни в Греции, ни в Риме, нигде примера не находим, чтобы избран был судия мысли, чтобы кто дерзнул сказать: „У меня просите дозволения, если уста ваши хотите отверзать на велеречие; у нас клеймится разум, науки и просвещение и все, что без нашего клейма явится в свет, объявляем заранее глухим, мерзким, негодным. Таковое постыдное изобретение предоставлено было христианскому священству и цензура была современна инквизиции“» (314). В то самое время, как монахи учредили цензуру, Колумб отважился на свой открытия, затем выступили Коперник, Кеплер, Ньютон, «но, — сожалеет Радицев, — мысль великая рождала иногда невежество: книгопечатание родило цензуру, разум философский в XVIII столетии произвел иллюминатов» (315). Этих размышлений также нет у Бекмана; зато он приводит много разных справок о книге «Nosce te ipsum» и надпись на ней Матвея Герардо:

«Мы, Матфей Герардо, божим милосердием патриарх венецианский, первенствующий в Далмации, по рассмотрении [книги] выше писанными господами, свидетельствующими о вышеписанном труде и по таковому же их заключению и по присоединенному доверению, также свидетельствуем, что книга сия православна и совершенно богобоязлива», и замечает: «Таким образом уже очень рано были цензоры, которые сами книг не читали».¹ Радицев, опуская библиографические детали, имеющиеся в статье Бекмана, пишет: «В 1479 году находим древнейшее доселе известное дозво-

¹ «Nos Matheus Girardo, miseracione divina patriarcha Venetiarum Dalmatiaeque primus, ex inspectione supra scriptorum dominorum, qui fidem faciunt de supra scripto opere et ex tali sua conclusione et fide conjuncti idem testificamur esse opus orthodoxum et devotum», — замечая: «Also gab es schon so früh Censoren, welche die Bücher selbst nicht lasen».

ление на печатание книги. На конце книги под заглавием „Знай сам себя“, печатанной в 1480 году, присоединено следующее: „Мы, Морфей (sic) Жирардо, божим милосердием патриарх венецианский, первенствующий в Далматии, по прочтении вышеписанных господ, свидетельствующих о вышеписанном творении и по такому же одного заключению и присоединенному доверению, также свидетельствуем, что книга сия православна и богобоязлива“. Древнейший монумент ценсуры, но не древнейший безумия!» (315—316).

Опустив известия Бекмана о книгах, напечатанных в Кельне до 1479 г., Радищев переходит прямо к мандату майпцского архиепископа Бертольда (1486 г.), содержащему «древнейшее о цензуре узаконение, изданное в том самом городе, где изобретено книгопечатание». «Предузнавали, — говорит он, — монашеские правления, что оно будет орудием сокрушения их власти, что оно ускорит развержение общего рассудка и могущество на мнении, а не на пользе общей основанное, в книгопечатании обрящет свою кончину. Да позволят нам здесь присовокупить памятник, ныне еще существующий на пагубу мысли и на посрамление просвещения» (316—317). Памятник этот напечатан в издании «Кодекс дипломатический документов, превосходно иллюстрирующих дела могунтские, франкские, треверийские, гассиакские и соседних стран и не только германское право и историю священной римской империи, том IV. Из мрака вызвал к свету, расположил и снабдил примечаниями Валентин Фердинанд священной римской империи барон Гуденус, ассессор имперской камеры». Франкфурт и Лейпциг, 1758.¹ Радищев указывает под строкой «Кодекс дипломатический, изданный Гуденом, том IV» и дает в тексте безукоризненный перевод мандата (стр. 317—325). Привожу для сопоставления небольшой отрывок:

«Vidimus enim ipsi libros de divinis officis et apicibus Religionis nostre e latina in germanicam linguam traductos, non sine religionis dedecore versari per manus vulgi. Quid denique de sacrorum canonum legumque preceptis. Que, etsi a jure consultis, viris utique prudentissimis atque eloquentissimis, aptissime limatissimeque scripta sint, tantam tamen scientia ipsa habet nodositatem, ut etiam eloquentissimi sapientissimique hominis extrema vix sufficiat etate»

«Мы видели книги, до священных должностей и обрядов исповедания нашего касающиеся, переведенные с латинского на немецкий язык и неблагопристойно для святого закона в руках простого народа обрамляющиеся; что ж сказать, наконец, о предписаниях святых правил и законоположений; хотя они людьми искусными в законоучении, людьми мудрейшими и красноречивейшими, писаны разумно и тщательно, но наука сама по себе толико загромождена, что красноречивейшего и ученейшего человека едва на оную достаточна целая жизнь» (318).

¹ «Codex diplomaticus anecdotorum res Moguntinas, Francicas, Treverien-ses, Hassiacas finitimarumque regionum nec non jus Germanicum et S. R. I. historiam, vel maxime illustrantius, tomus IV, ex latebris in lucem produxit, digessit notasque addidit Valentinus Ferdinandus S. R. I. liber baro de G u d e n u s, camerae imperialis assessor. Prostat Francofurti et Lipsiae Typis Ioan. Christoph. Stoehr. Typogr. Aul. Isenb. Budingensis. MDCCLVIII».

Это законоположение, говорит Радищев о мандате, «клонилось более на запрещение, чтобы мало было книг печатано на немецком языке или, другими словами, чтобы народ пребывал всегда в невежестве»; он предлагает (в примечании) сравнить с мандатом «дозволение [в России] иметь книги иностранные всякого рода и запрещение таковых же на языке народном». «Священники хотели, — пишет он, — чтобы одни причастники их власти были просвещенны, чтобы народ науку почитал божественного происхождения, превыше его понятия и не смел бы оныя коснуться». . . Тем не менее «ныне, во дни наук и любомудрия, когда разум отряс несродные ему путы суеверия. . . , когда источник учения протекает до дальнейших отраслей общества. . . , постыдное монашеское избречение трепещущей власти принято ныне повсеместно. . . Неистовые! Осмотритесь. . . вы заблуждением хотите просвещать народы. Блюдитесь убо, да не возродится тьма. . . Прострите тьму и почувствуйте на себе оковы, если не всегда оковы священного суеверия, то суеверия политического, не столь хотя смешного, но столь же пагубного. По щастию однако же общества, что не изгнали из областей ваших книгопечатание — орудия его остановлены могут быть в действии, но не разрушены» (325—328).

Далее Радищев возвращается к Бекману и берет у него известие о папе Александре VI и об его булле 1501 г. [«в Путешествии» ошибка: 1507 вм. 1501]; он «первый из пап законоположил о цензуре». В основном списке «Путешествия» Радищев называет его «священным Нероном», в печатном издании — «Тиверием». «Сам согбенный под всеми злодеяниями не устыдился он нещися о непопорочности исповедания христианского. Но власть когда краснела!» замечает Радищев и приводит главную часть буллы, указывая, что тогда же «велено было рассмотреть все о книгах реестры и все печатные книги, а которые что-либо содержали противные кафолическому исповеданию, те сжечь». «О, вы, цензуру учреждающие, — восклицает он, — вспомните, что можете сравниться с папою Александром VI, и устыдитесь» (328—330).

Бекман пишет: «Когда в начале XVI столетия был в Риме известный церковный собор в Латеране, в десятой сессии 1515 года было постановлено, что с тех пор никакая книга не должна быть напечатана без цензуры духовенства».¹ Далее он приводит латинский текст постановления и продолжает: «Во Франции издавна присвоил себе цензуру богословский факультет, как говорили некоторые его члены; но когда в 1650 году назначили помимо его общественных цензоров, он указал лишь на двухвековую древность своего права, ибо говорил: уже более двух столетий, как доктора [ученые] Парижа имеют право одобрять книги, которые

¹ «Als im Anfange des 16-ten Jahrhunderts die bekante kirchensammlung zu Rom in Lateran gehalten ward, ward in der zehnten Session 1515 verordnet, dass fernerhin kein Buch ohne Censur der Geistlichen gedruckt werden soltet».

должны подчиняться одному только их факультету, и лишь пред ним одним они ответственны при их одобрении».¹

Радищев пользуется этим известием, чтобы доказать основное свое положение: цензура учреждена церковью: «В 1515 году, — говорит он, — Латеранский собор о цензуре положил, чтоб никакая книга не была печатана без утверждения священства. Из предыдущего видели мы, что цензура изобретена священством и ему была единственно присвоена. Сопровождаемая проклятием и денежным взысканием, [она] справедливо в тогдашнее время казаться могла ужасною нарушителю изданных о ней законоположений. Но опровержение Лутером власти папской, отделение разных исповеданий от Римския церкви, прения различных властей в продолжение тридесятилетней войны [1618—1648] произвели много книг, которые явились в свет без обыкновенного клейма цензуры. Везде однако же духовенство присвоило себе право производить цензуру над изданиями и когда в 1650 году учреждена была во Франции цензура гражданская, то богословский факультет Парижского университета новому установлению противуречил, ссылаясь, что двести лет он пользовался сим правом» (330—331).

Здесь кончается изложение Бекмана; в остальной части своего исторического очерка Радищев пользуется другими источниками.

III

На поле в основном списке «Путешествия» Радищев указывает первый том труда А. Байе (Adrien Baillet, 1649—1706) «Суждения мудрецов о главных трудах сочинителей, просмотренные, исправленные и дополненные г. де ла Монней», Амстердам, 1725 (нов. изд.).²

В этом томе две части, каждая по 14 глав. Первая часть «Суждения о книгах вообще» (Des jugemens sur les livres en géneral); вторая — «О предрассудках, коим следуя, обычно судят о книгах».³

¹ «In Frankreich hat sich die theologische Facultät, wie einige Mitglieder sagen, von jeher die Büchercensur angemasset; als man aber im Jahre 1650 ausser ihr öffentliche Censoren ernante, gab sie für das Alter ihres Rechts nur zwey Jahrhunderte an, denn sie sagte: qu'il y a plus de deux cent (sic) ans que les docteurs de Paris sont en possession d'approuver les livres sans être assujétis qu'à leur seule Faculté à laquelle seule ils prétendent être responsables de leurs approbations. Bailla t, I, p. 19».

² Jugemens des savans sur les principaux ouvrages des auteurs, revûs, corrigez et augmentez (sic) par m-r de la Monnoye, à Amsterdam, MDCCXXV (nouv. éd.).

³ Первая часть содержит: I. De la liberté de juger, II. Usage de cette liberté, III. Différence de cette liberté dans les lecteurs et dans les auteurs, IV. Des engagemens contraires à cette liberté et si l'on y a égard, V. Personne (sic) n'est exempt (sic) de la censure, VI. Il y a peu de livres entièrement exemts de fautes, VII. Des bons livres par raport à leur matière, VIII. De l'importance et de la nécessité d'être jugé ou examiné, IX. De l'obligation de se soumettre au jugement des censeurs, X. Qu'il est de l'intérêt des auteurs de s'assujétir à cette obligation XI. De l'utilité de la censure, XII. De la difficulté de bien

Эта ссылка на Baillet относится к известию о сожжении книг Ария и Нестория (312). Повидимому, Радицев пользовался также английским изданием: Т. П. Блаунт, «Цензура более известных авторов или Трактат, в коем передаются различные мнения ученых мужей о славнейших писаниях каждого века. . .», Л., 1690 (р. 463—510) (ср.: Хр. Клотц, «О книгах, для их авторов роковых», Л., 1761; И. Г. Шельгорн, «Сокровища письменности», изд. 2, Фр. и Лпц., 1730; «О книгах более редких и о различных причинах их редкости. . .», «Рассуждения о книгах сожженных. . .», «Историко-литературный очерк различных наказаний, наложенных на книги. . .», «О книгах, сожженных общественной властью»). Наконец, ценный материал доставляли ему газеты и журналы, например «Французский Меркурий. . .», «Национальная газета или Всеобщий монитор. . .», «Гамбургская газета», «Геттингенские известия», «Новая библиотека изящных искусств», Векерлин «Седое чудовище».¹ Некоторые из этих изданий он имел сам, другими мог пользоваться в библиотеке гр. А. Р. Воронцова и княгини

juger des livres et du danger qui s'y rencontre, XIII. Des qualités nécessaires pour bien juger des livres, XIV. Des défauts des critiques». Вторая часть: «Des préjugés suivant lesquels on a coûtume de juger les livres» обобщает Préjugés 1) des anciens, 2) des auteurs ecclésiastiques et profanes, 3) de la dignité et de la qualité des auteurs, 5) des titres honorables et des sermons donnés aux auteurs pour marque d'estime, 6) des engagements des auteurs, 7) des nations ou du pays des auteurs, 8) de l'humeur des auteurs, c'est à dire de l'aigreur et du chagrin, de l'honêteté (sic) et de la douceur que les auteurs font paroître dans leurs ouvrages, 9) de l'âge et de l'état des auteurs c'est à dire de la jeunesse, de la vieillesse d'un auteur et des livres posthumes, 10) de la précipitation et de la lenteur des auteurs, de la grosseur et de la petitesse des livres de ceux qui se sont étudiés à faire beaucoup de livres et de ceux qui en ont fait peu, 11) des abrégés, des sommaires, des extraits, des recueils et compilations que l'on a faites des ouvrages des anciens, 12) des livres anonymes et des noms des auteurs, 13) du titre des livres, 14) des circonstances et des accidens qui arrivent aux livres.

¹ «Censura celebriorum authorum sive tractatus in quo varia virorum doctorum de clarissimis cujusque seculi scriptoribus judicia traduntur unde facillimo negotio lector dignoscere queat quid in singulis quibusque istorum authorum maxime memorabile sit et quonam in pretio apud eruditos semper habiti fuerint. Omnia in studiosorum gratiam collegit et in ordinem digessit secundum seriem temporis quo ipsi authores floruerunt Thomas Pope Blount, anglobritannus baronetus, cum indice Locupletissimo», Л., 1690. Он знал, вероятно, и Ch r i s t i a n i K l o t z i i «De libris auctoribus suis fatalibus, Liber singularis», Lipsiae, 1761, и J. G. Schelhornii «Amoenitates literariae quibus variae observationes scripta item quaedam anecdota et rariora opuscula exhibentur», ed. 2, Francf. et Lipsiae, MDCCXXX. Во втором томе «Amoenitates» помещена «Dissertatio de libris rarioribus et variis raritatis eorum causis (p. 321—436), в томе V «Continuatio (p. 239—296), в томе VII «Dissertatio de libris combustis» (p. 75—172), в томе VIII «Schdiasma historico-literarium de variis poenis in libros statutis (p. 338—390), а также «Dissertatio de libris publica auctoritate combustis (p. 463—510). Газеты и журналы: «Mercure de France dédié au roi par une société de gens des lettres», «Gazette nationale ou Moniteur universel», «Staats und gelehrte Zeitung des Hamburgischen unparteyischen Correspondenten», «Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen», «Neue Bibliothek der schönen Künste», «Das graue Ungeheuer» (von Wekhrlin).

Е. Р. Дашковой; все они проходили через таможеню, где Радищев был директором.

От учреждения гражданской цензуры в 1650 г. во Франции (по Векману) он обратился к истории цензуры в Англии. Подобно инквизиции в Испании и тайной канцелярии в России здесь свирепствовала Звездная палата. «Жестокости ее, — говорит Радищев, — против писавших о правительстве нещетны и история ее оными наполнена. если суеверие духовное не в силах было вложить [здесь] на разум тяжкую узду цензуры, [то] возложена она [была] суеверием политическим. Но то и другое пеклися, да власть будет всецела, да очи просвещения покрыты всегда пребудут туманом обаяния и да насилие царствует на счет рассудка. Со смертью графа Страффорда [1593—1641], по приговору парламента, рушилась Звездная палата; но ни ее падение, ни судебная казнь Карла I [30 I 1649] не могли, — говорит Радищев, — утвердить в Англии вольности книгопечатания. Долгой парламента возобновил прежние положения, против ее сделанные. При Карле II и при Якове II [в «Путешествии» ошибка — Якове I] они паки возобновлены». Это не совсем точно: суровый декрет Звездной палаты 11 VII 1637 г. был подтвержден в январе 1641, в марте 1642 и в июне 1643 г., но не вполне. Устрашенный широким распространением роялистских брошюр и памфлетов на религиозные темы, парламент постановил (14 VI 1643), что для печатания какого-либо произведения необходимо было предварительное разрешение цензурных комитетов. Когда Мильтон издал без цензуры и регистрации свой трактат «О разводе», его привлекли к ответственности. Он выступил в парламенте с речью о свободе печати, и 24 VI 1644 г. она вышла в свет под заглавием «Ареопагитика или речь в защиту свободы печати, обращенная к английскому парламенту» (Русский перевод с предисловием М. М. Хвостова, Казань, 1906). Мильтон требовал, однако, «не свободы печати, а отмены предварительной цензуры; он призывал, что надобно преследовать печать в случае нарушения ею законов, но преследовать судебным порядком» (А. Савин. Лекции по истории английской революции, Лгр., 1924, стр. 315 и сл.). Что же касается Карла II и Иакова II, то они явно склонялись к католицизму и стесняли свободу печати. Даже после второй революции (1688 г.) при Вильгельме и Марии было подтверждено указание о цензуре, изданное парламентом; «но, — пишет Радищев, — в 1694 году вольность печатания утверждена в Англии совершенно и цензура, зевнув последний раз, издохла» (333).

Под строкой дано примечание. «В Дании вольное книгопечатание было мгновенно. Стихи Вольтеровы на сей случай к датскому королю во свидетельство остались, что похвалою даже мудрому законоположению спешить не надлежит». В январе 1771 г. Вольтер приветствовал (в стихотворении «Королю Дании Христиану VII. О свободе печати, принятой во всех государствах») ¹ указ

¹ Au roi de Danemark, Christian VII. Sur la liberté de la presse, accordée dans tous les états.

14 сентября 1770 г., изданный правителем Дании, главою тайного королевского кабинета Струэнзе; свобода печати, введенная им в 1770 г., была ограничена новым указом уже в следующем году.

Несравненно бóльшую цену в глазах Радищева имели законоположения о цензуре в США. Он приводит статьи о свободе печати из конституций Пенсильвании, Делавара, Мариленда и Виргинии. Возможно, что он пользовался французским переводом конституций в сборнике «Конституции тринадцати соединенных штатов Америки», Ф. и П., 1783, стр. 193, 213, 228, 264, 311.¹ Беру для сопоставления 14 статью Виргинской конституции:

«La liberté de la presse est un des plus forts boulevards de la liberté de l'Etat et ne peut être restreinte que dans les gouvernements despotiques».

«Свобода печатания есть наивеличайшая защита свободы государственной» (335).

и 12 статью I главы в «предположительном объявлении прав жителей пенсильванских» (Declaration des droits des habitans de l'Etat de Pensylvanie):

«Le, peuple a le droit et la liberté de parler, d'écrire et de publier ses sentimens; en conséquence la liberté de la presse ne doit jamais être gênée».

«Народ имеет право говорить, писать и обнародовать свои мнения, следовательно, свобода печати никогда не долженствует быть затруднена» (334).

Откуда взял Радищев «35 отделение в проекте о образе правления в Пенсильванском государстве, напечатанном, дабы жители оного могли сообщать свои примечания, в 1776 году в июле», не удалось выяснить; в библиотеках Москвы и Ленинграда мало книг по истории Пенсильвании, а ею именно восхищались и автор «Путешествия» и один из его главных вдохновителей, Рейналь (Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях, т. I—X, Женева, 1780).²

«Книгопечатание до перемены [революции] 1789 года, во Франции последовавшей, — пишет Радищев далее, — нигде толико стесняемо не было, как в сем государстве...; в Бастильских темницах томилися несчастные, дерзнувшие оуждать хищность министров и их распутство...; во общее употребление французского языка побудило завести в Голландии, Англии, Швейцарии и Немецкой земле книгопечатание, и все, что явиться не дерзало во Франции, свободно обнародовано было в других местах... Но дивись несообразности человеческого. Ныне, когда во Франции все твердят о вольности, когда необузданность и безначалие дошли до края возможного, ценсура во Франции не уничтожена... Мы читали

¹ Constitutions des treize États-Unis de l'Amérique, à Philadelphie, et se trouve à Paris, 1783, p. 193, 213, 228, 264, 311.

² Histoire philosophique et politique des établissemens et du commerce des européens dans les deux Indes, t. I—X, à Genève, M. D. CCLXXX.

недавно, что народное собрание, толико же поступая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания. . . О, Франция! ты еще хожедаешь близ Бастильских пропастей» (336—337).

Какой момент в деятельности национального собрания имел в виду автор «Путешествия», трудно сказать с уверенностью. «Декларация прав человека и гражданина» гласит: «Свободное высказывание мыслей и мнений лишь одно из самых ценных прав человека. Следовательно, каждый гражданин может говорить, писать и печатать свободно, отвечая за злоупотребления этой свободой в случаях, предусмотренных законами».¹

«Меркурий» (Mercure) 16 мая 1789 г. (№ 20) отмечает, что 7 мая запрещен был номер периодического листка «États généraux», датированный 2 мая 1789 г. (Версаль).²

Малуэ (Malouet) 10 октября 1789 г. указывал опасность, какую угрожали злоупотребления свободой печати. Правительство изготовило проект закона о ней и аббату Сьейесу (Syeyès) поручено было его представить; 20 I 1790 г. аббат прочел его в национальном собрании. Сьейес, по словам газеты, говорил: «Свобода печати, как все свободы, должна все же иметь законные границы. Вооруженные этим принципом, мы смело принялись за труд, который вы поручили нам. . .» Он предложил проект закона против преступлений, связанных с напечатанием и выходом в свет рукописей и гравюр. Доклад его часто прерывался аплодисментами. По сообщению той же газеты в декабре 1789 г. Розыскной комитет требовал от некоего Мореля объяснений по поводу изданной им брошюры, а в январе 1790 г. постановил, что нет против него никакого обвинения, хотя он и написал пасквиль на маркиза Лафайета.

В библиотеках Москвы и Ленинграда хранятся сотни брошюр 1789—1790 г. в защиту «старого порядка»; живо интересовался ходом революции во Франции друг и начальник Радищева гр. А. Р. Воронцов; все печатные новости проходили через таможню,

¹ «Declaration des droits de l'homme et du citoyen» 26 VIII 1789 г. гласит: «La libre communication des pensées et des opinions est un des droits les plus précieux de l'homme. Tout citoyen peut donc parler, écrire, imprimer librement sauf à répondre de l'abus de cette liberté dans les cas prévues par les lois».

² P. Dupont. Histoire de l'imprimerie, P. 1854, F. I, p. 220). Moniteur 20, 22 и 23 января 1790 г. (№№ 22—23) сообщает: «Syeyès — La liberté de la presse comme toutes les libertés, doit donc avoir des bornes légales. Munis de ce principe nous sommes entrés avec courage dans le travail auquel vous nous avez ordonné de nous livrer. . . Projet de la loi contre les délits qui peuvent se commettre par la voie de l'impression et par la publication des écrits des gravures. . . Le rapport de m. l'abbé Syeyès a été fréquemment interrompu par des applaudissements». Montieur указывает также (р. 40), что 24—25 декабря 1789 г. Comité des Recherches требовал от некоего Мореля (intendant de la maison de Monsieur) объяснений по поводу изданной им брошюры, а 9 I 1790 г. комитет постановил: «qu'il n'existe contre Morel aucune accusation soit d'avoir fait un libelle atroce contre le marquis de Lafayette».

и Радищев имел возможность пользоваться ими из первых рук. Поэтому и нельзя указать, из какого именно источника он брал новейшие известия для своего очерка; но ясно, что работа над этим очерком продолжалась в первые месяцы 1790 г., когда печаталось «Путешествие».

Некоторой свободой пользовалась печать, по мнению Радищева, в Германии; «малые немецкие правления хотя и старались положить ей преграду, но безуспешно». Так, например, был посажен под стражу один из немецких просветителей, редактор-издатель журнала «Седое чудовище» Вскерлин, арестованный в 1787 г. по приказанию Этинген-Валлер-Штейницкого правительства.¹ Однако он не прервал своей литературной деятельности и как раз в 1787 г. поместил несколько заметок о России: «Завоевание Таврического государства новой Семирамидой празднуется в Херсоне столь своевременно и таким образом является, вопреки государственному праву Франции новым доказательством способности презренного пола к государственному правлению. . . Будет ли у нас новая война или нет? Вот вопрос, который задают себе от Волги до Рейна».

Журнал отмечает ежегодный дефицит с 1778 г. по 2 500 000 руб. «На нынешний день, дефицит составляет приблизительно 30 миллионов рублей и, включая старые государственные долги, получился общий итог в 640 миллионов рублей».

«О русско-турецкой войне говорят, что это лишь финансовая спекуляция, рвотное средство. . . Одним словом, у двора нет никакой определенной и прочной финансовой системы. Солдат — хорош, храбр, вынослив, без страха пред смертью, но ему не хватает офицеров и дисциплины.»

Тем не менее автор полагает, что современное ему «правление в России является одним из самых просвещенных и благодетельных в мире» (№ 35, ст. 226).²

«Король прусский Фридрих II (1712—1786), — говорит Радищев, — в землях своих печатание сделал почти свободным, но. . . чему дивиться, что он не уничтожил цензуры? Он был самодержец, коего любезнейшая страсть была всесилие. Но воздержись от смеха: узнав, что некто намерен был собрать и напечатать указы, им издан-

¹ Das graue Ungeheuer von Wilhelm Ludwig Wekhrin (1739—1792).

² Die Besetzung des Taurischen Reiches durch die neue Semiramis so gegenwärtig zu Cherson gefeyrt wird, scheint also ein neuer Beweis gegen das französische Staatsrecht, von der Fähigkeit des schönen Schlechts zur Regierung zu seyn» (Bd. XI, № 31, S. 137). . . «Werden wir Krieg haben oder nicht? So fragt man sich von der Wolga bis an der Rhein» (№ 32, S. 150). . . Журнал отмечает ежегодный дефицит с 1778 г. по 2 500 000 руб. «Dieses würde bis zum heutigen Tage ungefähr ein Kapital von 30 Millionen, das ist mit Einchluss des Alten eine Nationalschuld von 640 Mill. R. machen. О русско-турецкой войне говорят, что это лишь «eine Finanzspeculation, ein Brechmittel. . . Mit einem Wort — der Hof hat kein gewisses und verlässliches Finanzsystem. Der Soldat ist gut: tapfer, dauerhaft, ohne Furcht vor dem Thode, aber es fehlen ihm Officiere und Disciplin» (S. 164—168). Тем не менее автор полагает, что современное ему правление в России «eine der erleuchtetsten und der wohlthätigsten der Welt ist» (№ 35, S. 226).

ные, он и к оним приставил двух цензоров или, правильнее сказать, браковщиков. . . Но какое добро сии насильствованные цензоры произвести могли? Не добро, но вред. Скрыли они от глаз потомства нелепое какое-либо законоположение, которое на суд будущий власть оставить стыдилась, которое, оставшись явным, было бы, может быть, уздою власти, да не дерзает на уродливое» (338—339).

«Император Иосиф II [13 III 1741—20 II 1790] рушил отчасти преграду просвещения в австрийских наследных владениях, но не мог отрясти с себя бремени предрассуждений. Если должно его хвалить, — говорит Радищев, — за то, что не возбранял опорочивать свои решения, находить в поведении его недостатки и таковые порицания издавать в печати, похулим его [однако] за то, что на свободе в изъяснении мыслей он оставил узду» (339). Мария Терезия (1717—1780) жестоко преследовала все, что могло поколебать могущество и авторитет католической церкви; с 1623 г. Венским университетом управляли иезуиты; Иосиф II, сделавшись соправителем матери (в 1765 г.), возражал против цензурных строгостей. В то время (1776) издан был «Каталог запрещенных книг» (*Catalogus librorum prohibitorum*); по насмешливому выражению современника (Фридриха Николаи) он был тем опасен, что «учил и дурных, и мудрых людей впервые узнавать умные книги».¹ Наконец, и сам «Каталог» был включен цензурной комиссией в список запрещенных книг; доступ к нему имели только чиновники и лица, получившие на то разрешение. По смерти матери Иосиф приступил к реформам в духе просвещения XVIII в.; указом 13 IX 1781 г. провозглашена была веротерпимость, и снят был гнет церковной цензуры; однако этим же указом широко воспользовались противники реформ; император, не желая унизить своей власти, «предлинное издал о цензуре наставление и оставил узду на печати». «Сколь легко употребить [ее] можно было во зло! — восклицает Радищев и пишет в примечании под строкой: — В новейших известиях читаем, что наследник Иосифа II [Леопольд II, на престоле с 20 III 1790 по I III 1792] намерен возобновить цензурную комиссию, предместянком его уничтоженную» (340).

В «Московских ведомостях» 1790 г. 20 IV (№ 32) читаем: «Из Вены 27 марта. Говорят, что духовенству нашему присвоены будут вскоре новые преимущества, которых оное лишено было в государство Иосифа II, да и комиссия о цензуре книг расположена будет на таком же основании, на каком она была до покойного императора» [т. е. при Марии Терезии]. Это известие могло дойти до Радищева и несколько раньше — через «Гамбургскую газету». Здесь в № 55 (6 апреля 1790) напечатано: «Пишут из Вены от 27 марта: „Духовенству уже даны новые различные преимущества, которые ему не были предоставлены при прежнем прави-

¹ «die schlechten und die klugen Leute die klugen Bücher erst kennen lernte».

тельстве. Цензурный комитет вновь становится на ноги, каким он был раньше, пока его не уничтожил в бозе почивший император»¹.

Однако и в этом случае примечание о Леопольде II могло быть напечатано Радищевым лишь в середине апреля. Оно помещено на 340 странице «Путешествия», где кончается глава «Торжок», а во всей книге 453 страницы; значит, последние главы, включая «Тверь», в которой помещена ода «Вольность», напечатаны во второй половине апреля и в первой половине мая 1790 г.; по свидетельству книгопродавца Зотова, взятого под стражу 26 июня 1790 г., первые экземпляры «Путешествия» «вступили к нему в мае месяце»; припоминал на допросе и Вальц, что он получил пакеты с книгами для А. М. Кутузова, находившегося тогда в Берлине, также в мае. Очевидно, новейшие известия о цензуре во Франции и Германии внесены были в главу «Торжок», когда уже не оставалось времени для исторического очерка цензуры в России; да едва ли Радищев и намерен был дать такой очерк. Кончая главу и подводя итог мероприятиям Иосифа II, Радищев пишет: «Чему дивиться? скажем и теперь, как прежде: он был царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской? В России. . . Что в России с цензурою происходило, узнаете в другое время. А теперь, не производя цензуры над почтовыми лошадьми, я поспешно отправился в путь» (340).

IV

«Торжок» занимает 52 страницы (289—340); из них ни одна не пропущена в замечаниях императрицы на «Путешествие». Она пишет: «[страницы] 289—305 [т. е. вся первая часть главы «Торжок»] содержат опорочивание цензуры книг, и тут довольно смело и поносительно говорится о власти и правительствах, которые сочинителем, как видно, ненавидимы; [страницы] 306—340 [вся вторая часть главы] о той же цензуре; сильнейшие места карандашом означены [в экземпляре, переданном ею С. И. Шешковскому]; на последней написаны сии слова: „он был царь, скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?“ Сочинитель не любит царей и, где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно прицепляется с редкою смелостию».

Руководясь замечаниями Екатерины, Шешковский спросил Радищева в тайной экспедиции: «Почему вы хотите уничтожить цензуру?»

«Признаю мое заблуждение, — отвечал Радищев: — я так думал, что без нее можно обойтись, но теперь вижу из собственного своего опыта, что она полезна потому более, что если она будет существовать так, как законодательница учредить изволила, то

¹ «Schreiben aus Wien vom 27 März — Der Geistlichkeit sind bereits verschiedene neue Vortheile zugestanden worden der ihnen unter der vorigen Regierung nicht verstatet wurden. Die Censur-Commission kommt wieder auf den Fuss, wie sie war, ehe sie der höchstsel. Kaiser aufhob».

подлинно она спасет многих, подобных мне, заблужденно мыслящих, от таковой гибели, в которую я себя ввергнул подлинно от слабого своего рассудка».

Шешкэвский спросил: «Начиная с стр. 306 по 340 между рассуждениями о цензуре помещены и сии слова — следуют приведенные выше строки о царе, — то как вы об оных словах думаете?»

Радищев ответил: «Признаюсь, что они весьма дерзновенны, но никак не разумел тут освященные ее императорского величества особы, а писал подлинно о царях, известных по истории, которые ознаменованы в свете в прошедших веках, могу сказать, дурными поступками. Напротив же сего что я могу сказать о такой самодержице, которой удивляется свет, ее премудрому человеколюбивому правлению, как одно только то, что я ее прогневал, как бы иступивший в то время из ума, писал те дерзкие слова без основания такого, как я всегда благоговел к освященной ее императорского величества особе в душе моей» (Дело, л. 34—35).

Радищев на допросе и на суде принял всю «вину» исключительно на себя одного, в своих показаниях он стремился отклонить малейшее подозрение на «сообщников» вроде гр. А. Р. Воронцова или П. И. Челищева. Конечно, на самом деле упрек в «несообразностях» относился не к «царям, ознаменованным в прошедших веках», а к современникам — Фридриху II, Иосифу II и Леопольду II; по одному пути с ними шла и Екатерина II, и она правильно поняла прямую (но не единственную) задачу как этой главы, так и всей книги — «убавить любовь и почтение» к самодержавию.

Радищев пишет в оде «Вольность» (полной редакции): «Власть царска веру охраняет, власть царску вера утверждает, союзно общество гнетут — одно сковать рассудок тщится, другое волю стерть стремится, „на пользу общую“ — рекут. . . Покоя рабского под сенью плодов златых не возрастет; где все ума претит стремленью, великость там не прозябет. . .» (строфы 10—11). К одной только «словутой» стране стремилась душа поэта, туда, «гнетом где согбенна лежала вольность поправа». «Ликуешь ты! — обращается он к этой стране, — а мы здесь страждем! Того ж, того ж и мы все жаждем. . .» (строфа 46).

Единственным государством, где, по мнению Радищева, достигнута была вольность путем борьбы за нее всего народа, был Союз Северо-американских соединенных штатов. Вашингтон и Франклин были вождями в этой борьбе и в глазах Радищева величайшими общественными деятелями всех веков. Законодательство молодой республики считал Радищев наиболее совершенным. «Американские правительства, — пишет он, — приняли свободу печатания между первейшими законоположениями, вольность гражданскую утверждающими» (334). Очевидно, их примеру должны последовать, по его мнению, правительства и других стран. Желанной свободы не было и не могло быть ни в одной из европейских монархий; всюду к ней вела «перемена» (революция), подобная той, которую произвели американцы в 1776—1783 г. В их борьбе за независи-

мость, а не в напыщенных тирадах Рейналя источник того «исступления», в каком находился Радищев, пока писал свое «Путешествие». Рассуждая о цензуре, он оставался на почве и в границах американских конституций.

Интересно сравнить точку зрения Радищева на цензуру с высказываниями на эту тему декабристов.

В третьей главе конституции Никиты Муравьева, хранившейся в бумагах И. И. Пущина, в ст. 14 читаем: «Всякой имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам. Книги, подобно всем прочим действиям, подвержены обвинению граждан пред судом и подлежат присяжным» (Н. Дружинин, Декабрист Никита Муравьев, М., 1933, стр. 322).

В статье 12 «Записки о государственном управлении» (Образование государственного приказа благочиния). П. И. Пестель пишет: «Главными обязанностями правления, на которое возложен надзор за предметами нравственными, являются надзор за книгопродавцами, типографиями, театральными представлениями, и обращением книг, журналов, мелких сочинений и листков. Сведения о дозволениях, данных для тиснения новых сочинений и для пропуска книг из-за границы». . . В отделении втором о частях правления, заведывающих устройством государственной безопасности, в главе 3-й, содержащей законы о делах и предметах нравственных, читаем: «Законы об издании сочинений и новых открытий определяют, как должно поступать и что должно соблюдать при издании в свет переводов и разных сочинений, равно как и при новых открытиях в науках, художествах, ремеслах и всякой промышленности, в каких случаях имеют граждане исключительное право пользоваться выгодами их открытий, с какими правилами должны обращаться ведомственные писатели и всякие печатники (типографчики) и т. п.» Наконец, в §.18 пятой главы Русской Правды (О народе в гражданском отношении) находим: «Коренные правила в отношении к свободе книгопечатания постановляются следующие: 1) Каждый гражданин имеет право писать и печатать все то, что он хочет, с тем только, чтобы его имя было на его сочинении выставлено. От сего исключаются одни только личные ругательства, которые никогда допускаемы быть не должны. 2) Каждый гражданин пользуется правом иметь типографию с тем только, чтобы о том было предварительно правительство извещено и чтобы на каждой печатной вещи находилось имя хозяина типографии. 3) За мнения и правила, в сочинениях изложенные, отвечает каждый писатель на основании вышеупомянутых правил об учении и проповедывании противных законам и чистой нравственности и судится общим судебным порядком. 4) Ежели в сочинении излагаются какие-нибудь происшествия или что нибудь утверждается, то сочинитель обязан оные доказать, если к суду обвиненною стороною призван будет. Если же доказать не может, то подвергается уголовному наказанию и суду присяжных, судясь обыкновенным порядком, и

5) Сему распорядку подлежат все сочинения, большие и малые, все переводы, все ведомости и срочные издания, все живописи, гравировки и одним словом, все то, что какого бы то ни было рода сочинение составляет. Верховное правление (sic) разрешается все подробности по своему усмотрению постановит (sic); срочные же сочинения должны быть издаваемы не иначе, как по предварительному извещению правительства о сем намерении» (П. И. Пестель. Русская Правда. Наказ временному Верховному Правлению, СПб., 1906, стр. 114, 173, 238—239).